

Валерий Ланин

ТЁЩИНЫ РАССКАЗЫ

Валерий Ланин

Тёщины рассказы

«Издательские решения»

Ланин В.

Тёщины рассказы / В. Ланин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-457-87175-5

Рассказы Евлампии Сарычевой, записанные автором этой книги в 1975 — 2005 годах. На обложке репродукция картины Ивана Сарычева, моего тестя. Произведения художника хранятся в Московском музее наивного искусства, в Вятском художественном музее, переданы в дар женой и свояченицей В. В. Ланина.

ISBN 978-5-457-87175-5

© Ланин В.

© Издательские решения

Содержание

Кто я...	6
Какой породы	7
Афонька поёт	8
Свою в последнюю очередь	9
Как девушки сироту спасали	10
На своих бегунцах	11
Куда цыгану податься	12
Сосед напротив	13
Повеселил солдат Кондратий	14
Возле зелёного кустика всегда травка растёт	15
Вот тебе и Бес!	16
Вера вроде дурочки	17
Хуже фашистов	18
Какие были деревни богатые, какие были мужики умные	19
Загуляли голыши, а богатый не дыши	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Тёщины рассказы

Валерий Ланин

© Валерий Ланин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Кто я...

...все думают, что я Евлампия, и в паспорте так написано, а на самом деле я Евлалия.

И отчество у меня не такое, как в паспорте, – там стоит Александровна, а какая же я Александровна, если отца Кондратием звали.

Год рождения по всем документам – 1913. Тоже ложь. В детстве у меня были две подружки, одна на год старше меня, другая на год младше, одна с 12-го года, другая с 10-го, я посередине между ними. Так вот с какого я года? С одиннадцатого. А по документам – с 13-го. И на пенсию пошла как с 13-го. Заведующий мне говорит: «Евлампия Александровна, пожалуйста, поработайте ещё, пока мы найдём вам замену».

Я отвечаю: «Захар Львович, всё. Больше не буду...»

Он головой кивает: «Понимаю-понимаю».

Какой породы

Бабушка с дедушкой молоденькие были, только поженились, поехали в первый раз на базар, масло продали, он всё до рубля раздал, она плачет...

– Федосья, что ты плачешь? то ли у нас денег дома нету, масла нету?

А золотые деньги были, с первой продажи нельзя брать...

А она плачет: «Зачем в город съездили?»

Когда я появилась, бабушка сказала:

– Или сильно счастлива будет, или злосчастлива, – в рубашке родилась.

В Строево родилась, аж до Митино расславилась... А как расславилась? Тогда взаимно выходить, на породу смотрели. В тридцатые-то годы уж не смотрели. А в Митино была родня, дальняя-дальняя, тётка Арина. Вот эта тётка и сказала там:

– Вот она чья!

Афонька поёт

В юности-то чего не работать? Я днём работала в больнице, ночью домашнюю работу работала. Не у папеньки с маменькой жила, спать-то не приходилось. Да я и сроду не сонлива.

В детстве жила у отчима (вот по нему я и Александровна), отчим на небо посмотрит: – Журавли полетели. Журавли паужну унесли...

Это значит, надо скорей работать, – день короткий, некогда паужнать.

До света встаём, завтракаем, едем молотить. И нас, таких малЫх, везут: коней-то стегать надо.

Бежишь в лес, выберешь там, чем их стегать, а машинист уж кричит:

– Ребятки-и, ребятк-и! Пошёл! Пошёл!

Это уже нам надо из лесу бежать. Бегом бежим, орём на лошадей. Лошади ходят по кругу,

Подрастёшь, ставят к барабану... И так за работой день пройдёт. Вечером поздно баня вытоплена. Помылись, кушают. Мужчинам нальют по рюмочке. А назавтра опять эта работа. Молотьба, уборка, спали часа два. Столько хлеба было, его же не оставляли в поле... Афонька, мальчишка лет пятнадцати лошадей двадцать хлеба везёт по горьковской степи, – озеро Горькое, – как запоёт-запоёт, все прислушиваются: «Афонька поёт». А так и знай, где-нибудь сопрел на ссылке.

Привезёт домой, сыпет этот хлеб и обратно в степь. А спит когда? А никогда.

Работали и пели. Сядем лён теребить... – а одна женщина: ой, уже сели, – всё распишет, рассуёт и за плетень тоже сядет – слушать.

Уже в Кургане жили, – она запела, – идёт медленно, ребятишки за ней собрались и идут... по Володарского.

Свою в последнюю очередь

Отчим никогда не отдыхал. И семье не давал отдыхать. Вот садятся пАужнать, полог такой расстелят в поле, скатерть сверху... Вот он садится. Отворотил калачика, съел, – уже покатился, захрапел. Эти ещё едят сидят. Похрапел-похрапел, – уже литовки отбивает. А литовка была ой-ой-ой! Вот они пойдут коситься, семья, а он последнюю, свою отобьёт и начинает косить, и всех обкосит, и сколько рядов пройдёт, пока они по одному идут. Вот какой был.

Чужие его Сашкой-толстым звали. Заглаза. Пуза-то у него не было. Просто здоровучий такой. Это уж потом коммунары на воротах ему нарисовали пузатого дядьку и доску на угол прибили: «Бойкот». В кресле нарисовали сидит. Было ему когда рассиживать в креслах. Он и в кресло-то не поместится.

Как девушки сироту спасали

Отчим в юности был красивый да интересный, девушки на него заглядывались. Сиротой рос, сестра да брат. На престольный праздник задумали ребята побить его, подступили компанией. А девушки скопом повалились, попадали на него. Ребята девушек не смели трогать.

Он мне рассказывал:

– Я лежу под ними, хохочу. Под девушками в безопасности. Смеюсь. Парней много собралось. Вылез из кучи, встал, проводил девушек, попрощался, пошёл в свою деревню.

За околицу, говорит, меня выпустили.

– За околицей толстые берёзы стоят. Сломал одну, стою, очищаю от веток. Подходи, подходи, говорю, кто смелый.

Никто не насмелился.

В шестнадцать лет ушёл на железную дорогу работать. Рельсы ложили, ему палец сломало, мизинец. Шестнадцать пудов поднимал. Вот девки и заглядывались.

На своих бегунцах

Отца моего на германской убили (на ТОЙ, не на ЭТОЙ), вот маму за этого Сашку и отдали, – а он, Александр-от, овдовел к тому времени, пятеро детей на нём. Старшие и решили их поженить. Слушались старших. Мама с Дундино, он со Строево. Когда мама девушкой была, Александр её от смерти спас. В праздник катались на тройках, она как-то меж лошадей очутилась, он её одной рукой выхватил. Верная примета, что поженятся...

В степи таки бега были сделаны. В Масленицу, в Рождество – бега.

Полный двор наедут на своих бегунцах. У нашего иноходы, у того рысак, у третьего... ох, покаталась бы сейчас на тех лошадках.

Вот ворота открываются, ребяташек сиди-ит, смотрят, – он такой красивый, длинный, сытый, да тоненький-претоненький, хвостик вот такусенький, – выезжает на улицу.

– Ну-ка, милый, возьми своё...

А их там со всех деревень выехало, мужиков, несметная сила.

Стол большой закладывается. Кто обгонит, платит. Ехать сорок-пятьдесят километров. А народу... видимо-невидимо, со всех деревень съедутся.

Живопись Ивана Сарычева

Куда цыгану податься

В Строево цыгана приютили. Староста приказал. Старый-престарый цыган. Калека, убогий. Безродный. Парализовало. И всё общество его кормило. И купали, и кормили, и каждый день всё под ним меняли. И носили его по очереди, вроде носилок таки были сделаны, и сколько лет. Говорить-то он говорил:

– Александр, ты дал бы Соловка-то покататься.

– Сбросит, дед.

– Не-е!

У зятя Рыжка был. Зять подтрунивал:

– Дед.

– Что тебе?

– Я Рыжка хочу продать.

– Так я тебе и разрешил. Ага.

Ведь какой старый, а сядет на коня, по деревне гоняет и не упадёт.

Отчим:

– Розка, я тебя сегодня повезу.

– К кому теперь?

– К Похоровым.

– Ну ты хоть покатай меня на своём коне.

Укроет его тулупом и гоняет.

Семьдесят семей в селе. Они не прикасались. У него ещё брат был. Этому под сто и брату не меньше. Так и жил у наших. Такая семьища, и хоть бы кто что сказал. Портяночки выстирай с него. И тебя ещё прутом надерёт, чтобы не ходил в дом в грязной обуви.

Они цыганы, а русской веры. Они Христа отбожили. Весь был в гвоздях. МУка – гвоздь. В следья, в руки...

Вот какой им был почёт, старым людям.

Мою маму Марфинькой звал.

– Аму-аму, Марфинька, ой тяжело, где моя смерть, я бы умёр.

Как раскулачивать стали, – некуда податься. Платок белый за поясом. Слезились глаза.

– Кто же мне теперь будет платочки стирать...

Сосед напротив

Меня дедушка сильно любил. Дед Алёша. Мне-то он дядя, родного дедушки брат. Пришёл с фронта весь израненный, с австрийского какого-то, не мог спать, всё болело. Работал постоянно, в работе как-то скрадывается боль. Одну пашню вспашет, поехали на другую.

Уже комсомольцы стали появляться. В Дундино у Линёва землю отобрали. «Землю – мужику». Смех.

Как-то воры подкопали лазею с пригона под дом, залезли в подпол, яма за ними завадилась. Видят, что им тут гибель. Там, в подполе, мёдом вымазались да в перья перекатались. Наши с пашни приехали, ужинают. Вся семья тут сидит. Лето, сенки открыты. Они вылазят в перьях: «Хлеб-соль!» И ушли.

Сосед. Против жил.

Весной семян нет, дедушка ему даст. Лошадей нет, дедушка даст. Всё за так.

Повеселил солдат Кондратий

Советская власть началась, я уже большенькая была. До семи годков дожила, объявили гражданскую войну. Я вылезла на подоконник, слушаю, что за стрельба по деревне идёт. Какой-то дядька прыгнул в наш палисад и шипит на меня из кустов: «Девочка, девочка...» Прятаясь, говорит, убьют. А мне любопытно, – люди с ружьями бегают, ясно что не охотники...

И всё на нашем веку, – революция, гражданская, финская, германская, а германская до этого была, отца-то убили, – мне три годика было, помню, как он меня на руки брал. Серёжа Шараборин вместе с ним воевал, – тятка твой, говорит, не ахти какой певун был, сроду молчун, а тут взял и запел, на гармошке играет и поёт, – повеселил солдат. А наутро его убили. Всё горе на моём веку.

(Серёжа Шараборин – дальний родственник Александра Андреевича Шараборина, героя России, [битая ссылка] школа им. А. Шараборина).

Серёжа Шараборин. Рисунок Ивана Сарычева.

Возле зелёного кустика всегда травка растёт

Замирал дядя Алёша. А никто этого ещё не знал. Вот однажды умер, всё... Обмыли, нарядили, положили в передний угол, поехали за батюшкой. Батюшка посмотрел, – хоронить нельзя. Ночь прошла. Батюшка не уезжает. Утром встал дядя Алёша. Замирал.

Всё мне рассказывал (нельзя рассказывать) – ...и хлеб не ломать, и в масле грех варить, и лепёшки пекчи, ножиком не колоть. Ругался, если увидит. Ни в коем случае чтобы постарше себя огрубить. Ростил четыре сироты. Почему-то он их никуда не девал (ни в детдом, ни в приют). Своих пять штук было. Кого прутом надерёт, кого за уши. Видит, что меня за кросном нет, возьмёт прутины, – «айда! чтоб сейчас ткала». А Колька, сосед, сирота, меня в окошко манит. Играть.

И чтобы дядя Алёша где-то не распорядился... – «Оля, одень Кольку, наряди, пусть он чувствует, что и ему праздник. Корми этого ребёнка,» – жене.

Колька сопливый был да косолапый. Тётя Оля: «Вот дед умный. Лане нашёл жениха». А я реву: «Сопливый косолапый...»

Когда стали у них всё выгружать, дядя Алёша со старшим сыном стоят на крылечке, сын спрашивает:

– Тятя, тебе не жалко... этого всего?

– Нет. И ты не жалей.

– А как я теперь должен жить?

– А как все. Я стою и радуюсь. Вот сколько нажили, скольких людей накормим, скольких людей оденем. Сделай обет пока живой. Все до одного ключи подай этим... Это пришло время такое.

Семён, Терентия сын, внук дяди Алёши, шёл с действительной (пятидесятые годы), старичок на телеге его догнал...

– Далёко, дедушка?

– В Дубровное.

40 километров, всех 50 будет, ещё 10 километров пешком идти до нашей деревни.

– Ты чей там?

– Иванковых.

– Помню Иванковых. В раскулачку... чтобы поднять их добро, в своей деревне подвод не хватило, собрали подводы с трёх деревень, с одной нашей только восемьдесят подвод. С Дундино до Соломатово растянулся обоз.

Сёма в тридцать седьмом родился, уже полена дров не было. Он, получается, мне двоюродный племянник, ему семь месяцев было, он ничего не помнит, а я-то уже всё понимала, – мне жалко, что добро выгребают, реву стою на крыльце. Дядя Алёша:

– Не реви. Коло зелёного кустика всегда травка растёт.

Вот ведь нашёл что сказать ребёнку.

(«Обмолот зерна с помощью тракторной тяги». Фрагмент.

Из альбома «Иван Сарычев. Живопись, графика».

Альбом издан первым директором московского Музея наивного искусства Грозиным. Владимир Ильич Грозин читал «Тёщины рассказы», только в журнальном варианте...)

Вот тебе и Бес!

Отчим под тридцать зародов поставит сена, – где другой кто бросит покос, он и на нём скосит.

«Кому, Александр?» – «А я сИроткам.»

То есть нам с Феофанией, с сестрёнкой.

А был у нас Рубец, псаломщик. Встретит его Рубец, скажет:

– Александр Степаныч, брось так работать. Вот так тебе сделают, чирк-чирк, под корень...

Отчим его Бесом звал, заглаза: «Ху! опять Бес идёт».

Как встретятся, тот ему своё: «Александр Степаныч, не работай ты так!»

Наш ему: «СИроткам. Для них работаю».

А как стали всё отбирать... – сначала налоги шибко большие, – семь тысяч насчитает, унесёт. Раньше тысячи-то какие были, десять копеек возьмёшь – орехов полный платок.

...Часа два дома полежит, опять в окно стучат, в сельсовет вызывают («самообложение»). Встаёт, пошёл. И вот только попробуй что-нибудь скажи.

Руки опустили все.

Потом дошло до него: «Вот так Рубец! А я дурак. Какой-то старичошко и всё знал...»

И сказал там: «Моё забирайте, сиротское не трогайте».

Думал, не тронут. Оставил нам с сестрёнкой по жеребцу да кобылку. А нам ничего с ними не сделать, их же прогуливать, кормить надо. Он хоть всему и научил: вот рвите им такую траву, такую...

Литовок нет, чем рвать?

Сводный брат Михаил... Отца треплют, а он успевает свои богатства направо-налево... – овечек продал, свиней, коров, лошадей рабочих и выездных. Эти – в сельсовете – во наживались! Драли за справку сколько; уполномоченный приедет, карман набьёт, уезжает, другой приезжает. Михаил всё распродал и уехал, ищи-свищи. Бегунца на Амур продал. Сытуший, так и блестел. Мы с сестрёнкой: «Михаил, хоть бы вывел наших погулять. Никакой зерниночки, никакого корму нет».

Жеребцы выездные, кобыла породистая. Думаем с сестрёнкой: хоть бы их забрали.

Когда забрали, мы рады-радешеньки.

Отчима повезли (на ссылку), он дорОгой: «Эх, Бес! Вот и Бес!» А эти – исполнители которые – думали, мужик умом тронулся, бесов поминает. Тогда много людей с ума посходило. Старик Жуков, сама видела, корову снегом кормил. Та лежит уже, а он ещё ей в морду ведро суёт.

Когда маленькие были, нам все говорили, что так будет...

Вера вроде дурочки

Девушек сколько с ума посходило. Жалко приданого. Шура в Кропанях, Паша тоже помешалась, Моторовна (хозяйка Карчевки), она пить начала, в пивную придёт, ткнёт палец в кружку, кто будет пить? – отдадут. В колодец бросались. Бедному доступно было жениться на богатой. Одной сказали: «Уедем...» Увезли, на берёзе повесили, а дядька ехал на станцию, увидал, снял, только привёз в больницу, она и умерла.

МОря (подружка) почти голая, простоволосая, в одних ремках ко мне пришла («... новое снимай»). Свекровь с детьми, мальчик девяти лет, девочке – одиннадцать, выбросили на улицу разутую, раздетую, она в домик (недостроенный) забежала... – «А сиди, застывай». Она взяла и закрылась изнутри. Деток обняла и с ума сошла. Кондовые двери, бились-бились, ломами двери расщепали. Люди смотрели. А нельзя было смотреть. Куда они её девали? Куда повезли, куда девали, это ни перед кем не отчитывались.

Вера вроде дурочки, пошла активисткой, два ящика себе натаскала, они как коробка набиты. Вот таких подобрали, а культурно назвали: делегатки. И шали пуховые, и всякие шали. Власти таких и брали. Умный человек пойдёт?

Вот давай она это добро сушить. Женщины набежали: «Это Яковых, скатерти гарусные, это Параниных...» На заборах висят, в калитку лезут, она их гонит. А мать проходит: «Вот бес-дура! мы с Анюткой всё на пеЦке пересушили».

Нарядится, – в огород и задами на сходку, – разговоры разговаривать дурацкие.

Умные люди помнят: она раскулачивала, она активисткой была. Хуже войны. И никому это не нужно было. Поехала в город. Старик-возчик:

– Вера! Говорят, ты людей-то съедала?

Она: «Пе-пе-пе-пе». Притворилась ненормальной. Хотела старика напугать. Скакает на телеге. Так до Кургана и притворялась. Соскочила, побежала в больницу...

Хуже фашистов

В двадцать восьмом богатые давай отделять сыновей, те жениться, их не расписывают: «Откупай своё хозяйство». Ночью сколько раз вызовут, днём. Вызовут в сельсовет и сиди, пока не согласишься эти тыщи принести.

– Сколько можно сидеть...

– Иди неси.

Или посадят в анбар и щиплют.... В анбар посадят ночью, а к ним шибздика подсадят. Зимой, голых, чтоб злились да болтали, чтоб сразу расстреливать.

Ой, что делали... Так досталось людям. Хоть бы было за что.

А с попами что проделывали? Батюшка, вы знали, что это будет? Знал, но не думал, что так скоро. Что они с ним сделали... Фашисты? А это не фашисты? Хуже.

Сосед дядя Федя, щупленький мужичок... Таскали-таскали, нету денег. Он залез на крышу, на конёк и упал... Сверху двух этажей комната, как шмякнулся, только брызги... Тут он валяется, а семью ссылают, всю скотину погнали, хлеб выгрузили, монатки забрали.

Стёпка НазарОв. Сколько богатства было. Жёна с детишками, он один всем именем ворочает...

Поздняковы, оба Митьки. Створки открыли, сидят, такие пареньки красивые. Сидят с гармошками, а эти с винтовками: «Выходи». Вышли, сели на фургон, повезли... Куда повезли?

Муж тётки Аксины – старший Тит.

И у Тита сын Тит, и второй, и третий, все Титы. Тит-старший коров доил. «Что Титихе, он у неё всё сделает, и квашню, и всё.» Тит огурцы вырастит, Тит – капусту, Тит – всё! Детки росли, росли, выросли, младшего женили, второго и последнего. Ребятишек! – полно. И всем трём одинаковые дома кружком, тут Титу поставили, тут второму и третьему, в одном куточке. Бедные, а добрые были. На Похоровой дочке женился, она не девушкой взамуж вышла. Пошла с мамой проститься. Только подходит, а их уж повезли... И проститься не дали этой Нюрке. Так она и упала в снег. Мать дурниной ревёт. Хозяина везут вперёд всех. Он было что-то там... «Сказано сиди. Сделай вот так руки и сиди.»

Ребятишки закрикиваются. А кому нужно? Ночь.

Какие были деревни богатые, какие были мужики умные

Всё бросали. Ночью заколотят дом, был и нет. Убегали, чтобы не сослали. Встанешь утром, дом заколочен, хозяев нет. Но вот зачем они его заколачивали? Знали что не вернуться, а заколачивали. Наличники закроют, досками заколотят и двери заколотят.

Загуляли голыши, а богатый не дыши

Сосед Егор Калиныч верёвку со дня привязал. Все тыщи унёс. Уже знают, что у него нет. На заплот выскочил: «Александр Степаныч, ну что делать-то будем?»

Наш: «Всё. Отделались».

А он ещё раз выскочил на заплот: «Так что, Александр Степаныч?»

Тот рукой махнул: «Эх, Егор Калиныч».

Дом от дома – заплот, ворота, две калитки, каменный магазинчик. Уже отделёнок пять штук да две дочери выдали до твёрдых.

Жена: «Афонюшка, отца-то нету, ты бы сходил в сельсовет...»

– Там огня нету.

Та сполохалась, заревела: «Афонька, беги на озеро, он не в прорубь ли залез...»

Нет, прорубь замёрзшая. Вот ждать, вот ждать...

– Мама, я сбегая к Васёнке?

Васёнка: «Нет, он не был у нас...» Её отец Гриша Кулак. И маслобойка своя, и кишки-обдиралка была, колбасу делали.

Афонька вернулся: «Нет у Васёнки и не был».

– Иди к Терентию, к Фёдору...

Пошёл.

– К Евдену.

– Мама, ещё сбегая к Авдотье.

Они далеко жили. Решил озером идти. Взял в баню заглянул, а месяц-то взошёл... глянул под крышу, ноги-то висят. Ноги-то разул, в петлю полез.

А кому это нужно было? Свои, родные собрались, поплакали.

В его доме всё поместилось. ГПУ, РИК. Такой домина.

Они там и нацарились. Этот, у которого я руки отморозила, в секретном отделе сидел. Пьянёхонек. В гости ходил к мотане своей. До дому дойти не мог, к нам завернул, у которых я жила.... Лёг на крыльцо и просится: «Я Лемешков». Да хоть ты чорт будь, я не открою, – Иван Иваныч с Антониной Павловной наказали никому не открывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.